

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

К. В. ЧИСТОВ

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

(По материалам фольклора Русского Севера)*

Изучение фольклора Русского Севера началось одновременно с возникновением русской фольклористики. Ее зарождение можно связывать с именем М. В. Ломоносова. Одна из первых статей В. Г. Белинского по вопросам фольклора посвящена известному сборнику А. Студитского, включавшему песни Олонецкой и Вологодской губерний. Севернорусские материалы были представлены в сборниках П. В. Киреевского и А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, а с середины XIX в. — с началом публикаций П. Н. Рыбникова и Е. В. Барсова — они прочно заняли важнейшее место в записях произведений народного творчества. Так, по подсчету А. М. Лободы из 452 текстов былины, известных к 1896 г., 342 текста были записаны в Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях¹. Напомним, что А. М. Лобода были еще не известны сборники Ончукова, Маркова, Григорьева, братьев Соколовых, не говоря уже о более поздних сборниках. Итак, можно сказать, что подвести итоги изучения фольклора Русского Севера — это значит без малого пересказать почти всю историю русской фольклористики.

За последние десятилетия, особенно начиная с 1930-х годов, опубликовано значительное число исследований и сборников, посвященных севернорусскому фольклору². Прделана большая и важная работа. Изучены многие вопросы, мало затронутые дореволюционной фольклористикой. И все же очень ясно ощущается разобщенность значительного коллектива собирателей и исследователей, работающих в области фольклора Русского Севера, наблюдаются серьезные различия в определении общих задач и характера связи между так называемыми «местными» работами и общим направлением советской науки о народном творчестве. Поэтому нам представляется полезным обсудить эти вопросы в свете общих задач, стоящих перед советской фольклористикой в целом.

Чем же определяется современное состояние советской фольклористики, в частности русской советской фольклористики?

* Настоящая статья представляет собой переработанный доклад, прочитанный на совещании фольклористов северных областей и республик Европейской части СССР. Обзор работы совещания см. ниже, в разделе «Хроника». — *Ред.*

¹ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос, Киев, 1896, стр. 89—90.

² См. работы М. К. Азадовского, Ю. М. Соколова, А. М. Астаховой, Н. П. Андреева, В. Я. Проппа, В. И. Чичерова, Э. В. Померанцевой, Р. С. Липец, А. А. Морозова, Н. В. Новикова, А. Н. Нечаева, А. Д. Сойманова, М. М. Михайлова, А. М. Линевского, В. Г. Базанова, К. И. Коничева, А. П. Разумовой, А. А. Михайлова, Н. М. Леонтьева, А. В. Дьяконова и др. Библиографию работ по Карелии см. «Труды Карельского филиала АН СССР. Вопросы литературы и народного творчества», вып. VIII, Петрозаводск, 1957.

Решения XX съезда КПСС и другие последовавшие за ними партийные документы сыграли огромную положительную роль в развитии общественных наук. Борьба с ревизионизмом и догматизмом создала ту общественную атмосферу, которая способствовала оживлению советской фольклористики, ликвидации нигилистических настроений, характерных для конца 1940-х — начала 1950-х годов и проявившихся в памфлетах Н. Леонтьева, в отдельных статьях центральных и местных газет (в «Литературной газете» и др.). Объявление собрания и изучения традиционного фольклора неактуальным и даже вредным занятием и, с другой стороны, непомерное раздувание некоторых сторон советского фольклора, связанных с культом личности, были прямыми следствиями искажения марксистского учения о роли народных масс в истории, в развитии материальной и духовной культуры.

В последние годы с особенной силой стала ощущаться еще одна опасность. Неверное понимание цели и сущности критики культа личности и его последователей привело некоторых фольклористов, литературоведов и издательских работников к отрицанию значения народного творчества и особенно советского фольклора в целом, к стремлению объявить сорокалетнюю историю советской народной поэзии выдумкой досужих людей. Развитию ревизионистских тенденций в фольклористике способствовала теоретическая незавершенность спора о советском фольклоре, начавшегося после опубликования книги «Очерки русского народно-поэтического творчества Советской эпохи», подготовленной коллективом сотрудников Института русской литературы Академии наук СССР (М.—Л., 1952).

Решения XX съезда КПСС обязывают нас правильно оценить и ликвидировать эти ошибки, повысить теоретический уровень наших работ, способствовать систематическому и планомерному изучению народного творчества как прошлого, так и настоящего без стремления улучшить или ухудшить его историю. Наша задача — способствовать установлению и популяризации верного, марксистского взгляда на фольклор как художественную деятельность народных масс, сыгравшую огромную роль в развитии мировой культуры. Конкретное изучение поэтической деятельности народных масс и верная оценка ее роли в развитии культуры, в частности — социалистической, есть осуществление принципа партийности в фольклористике.

В связи с этим следует признать значительным достижением советской науки о фольклоре последних лет решительный поворот к изучению народно-поэтического творчества в его историческом развитии, осуществление исторического принципа в исследовании фольклора. Наиболее крупные работы, способствовавшие этому повороту, общеизвестны. Это — три книги очерков по истории русского фольклора «Русское народное поэтическое творчество»³, вышедший под тем же заглавием XX том «Трудов Института этнографии», имеющий характерный подзаголовок — «Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа»⁴, монография В. Я. Проппа «Русский героический эпос»⁵, учебник под редакцией П. Г. Богатырева⁶ и некоторые другие. По имеющимся сведениям, в настоящее время кафедрой фольклора Московского университета написан учебник, излагающий курс русского народного поэтического творчества в историческом плане.

Названные работы положили начало новому этапу развития советской

³ АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом), «Русское народное поэтическое творчество», т. I, М.—Л., 1953; т. II, кн. 1, М.—Л., 1955; т. II, кн. 2, М.—Л., 1956.

⁴ «Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XX, М.—Л., 1953.

⁵ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, Л., 1955.

⁶ «Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов». Под общей редакцией проф. П. Г. Богатырева, изд. 2-е, Госучпедгиз, М., 1956.

фольклористики. После появления этих книг исследования, осуществленные сравнительно недавно, стали восприниматься как устаревшие, интересные по материалу, но требующие пересмотра, хотя в некоторых из них имелись весьма полезные элементы исторического исследования (например, в книге А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере», Петрозаводск, 1948). Вместе с тем появление этих работ вовсе не означает решения всех важных вопросов исторического изучения фольклора.

Работы эти в равной мере и начинают новый этап, и завершают предыдущий. Многие разделы их носят предварительный, я бы сказал эскизный, характер, дают еще очень обобщенную, схематическую характеристику материала, его экспериментальную группировку. Читая трехтомник Института русской литературы «Русское народное поэтическое творчество», постоянно чувствуешь, какие трудности испытывали авторы. В некоторых случаях это связано с невозвратной утратой текстов, вследствие чего неизбежны предположения, догадки, реконструкции. В других — не проделана предварительная работа, и авторы затрудняются в датировке отдельных сюжетов или вынуждены пользоваться выводами предшественников, не всегда достаточно убедительными (например, покойный проф. М. О. Скрипиль в своей главе без оговорок пользуется некоторыми приурочениями Вс. Ф. Миллера); в третьих случаях не ясен метод датировки.

Особенные затруднения возникают при анализе так называемых «неисторических жанров», т. е. жанров, в которых не «закреплены» какие-либо исторические события, лица, названия и художественные образы и идеи которых не представляют собой прямого отражения и оценки действительности, а возникли на почве исторически сложившегося мировоззрения, психологии. В таких случаях особенно ясно обнаруживается, как поверхностно и приблизительно знаем мы историю русского крестьянства и рабочего класса, историю мировоззрения и общественных идей народа.

Действительно, для трехтомника характерно оперирование слишком общими представлениями о природе крестьянского мировоззрения (когда речь идет об идеях, не связанных с определенными историческими событиями). Все это говорится не в упрек авторам — их заслуги неоспоримы, — а ради трезвой оценки достигнутого и возможного. На мой взгляд, любой другой коллектив фольклористов, который стал бы сейчас трудиться над подобными очерками, достиг бы примерно того же. Дальнейшее развитие фольклористики невозможно без новой серии монографических работ, которые позволили бы углубить и детализировать реальные познания в области истории русского фольклора. Думается, что особенно важными становятся конкретные исследования в краеведческом плане.

С другой стороны, история русского фольклора выглядит сейчас несколько упрощенно. Русский фольклор, по существующим представлениям, развивается как единая масса, в которой неразличимы составные части. Нет борьбы, нет противоречий (иногда плодотворных, иногда губительный), так как из всей массы фольклора мы довольно произвольно выбираем то, что кажется нам положительным, передовым, отмечаем все остальное как нечто чуждое народу; нет социальной окраски и различий, потому что мы очень мало знаем о мировоззрении отдельных слоев, прослоек, групп крестьянства; нет ни Урала, ни Волги, ни Русского Севера, ибо своеобразие исторических судеб народа и вслед за этим своеобразие его поэтического творчества в каждой из этих областей изучены еще плохо. Между тем, это вопрос очень важный. Одно из характерных отличий русской истории — замедленность некоторых процессов, происходивших в эпоху феодализма, растянутость периода его кризиса, позднее вступление на капиталистический путь развития. Дialeктическая противоречивость русского историко-фольклорного процесса XVII—XIX вв. состоит между прочим в сохранении областных различий не с м о т р я и в о п р е к и выработке общенационального репертуара. Общерусские моменты выступали, как правило, в конкретной, областной — сибирской, уральской,

донской, средневолжской, севернорусской и т. д. — форме. Эти отличия особенно ясно выступают при сопоставлении репертуара каждой из областей, поэтому их изучение — не противозаконное расщепление общенародного русского фольклора, а установление конкретных, реальных путей и форм его развития. Разумеется, такое изучение имеет смысл лишь в том случае, если оно доводится до выяснения исторического своеобразия областей, специфики их развития, а не останавливается на простой регистрации закономерных или случайных фактов.

Между тем в последнее время наблюдается некоторая реакция против изучения областных различий в фольклоре, связанная с действительно имевшими место преувеличениями, с частым уклоном в абстрактно-психологическую трактовку этих различий⁷. Однако нам думается, что не следует вопрос о том, как изучать, смешивать с вопросом о том, что изучать. Правильный путь, на наш взгляд, состоит в изучении реальных областных различий в связи с детальным и конкретным изучением исторического своеобразия данных областей, с исследованием векового процесса выработки своеобразных историко-культурных и хозяйственных типов, выражающихся в этнографической специфике, и т. д. Как бы мы ни старались уйти от этого, нам придется ответить на вопрос о том, каким образом эти различия складывались, почему они довольно долго удерживались, почему они начали стираться в период капитализма и все больше исчезают в наше время. Иначе мы рискуем пройти мимо существенных процессов и периода феодализма, и периода капитализма, и советского времени.

Итак, обобщенность и предварительность, эскизность картины, нарисованной в общих работах по истории русского народного поэтического творчества, ставят перед исследователями фольклора Русского Севера задачу его углубленного изучения в связи с конкретными формами мировоззрения и быта, специфическими историческими судьбами и социальными условиями жизни населения северных областей. Конкретное решение этой задачи могло бы развиваться в нескольких направлениях. Очень полезны были бы работы, выясняющие специфику историко-фольклорных процессов севернорусских областей в целом. Вполне вероятно, что эти работы были бы на первых порах несовершенны, но важно, чтобы мысль начала действовать в этом направлении. Покойный М. К. Азадовский любил говорить: «Правильно поставить проблему почти так же важно, как решить ее».

Важно было бы более четко наметить историко-культурные и историко-этнографические районы Русского Севера. Это сделано пока только для эпоса в трудах А. М. Астаховой. В. Я. Пропп в своей книге пишет: «Одна из заслуг советской собирательницы и исследовательницы А. М. Астаховой состоит в том, что благодаря ее трудам безликий «Север» предстал перед нами разделенным на определенные районы, обладающие каждый своим репертуаром и своими отличиями. Это — Поморье, т. е. побережье Белого моря; Прионежье, т. е. побережье Онежского озера, далее — побережья рек Пинеги, Кулоя, Мезени, Печоры»⁸. Здесь речь идет только об эпосе, причем значительная часть Архангельской, вся Вологодская, Кировская и другие севернорусские области даже не называются. Кроме того, нужно подчеркнуть, что изучение специфики развития эпических традиций в различных районах Русского Севера не объяснено исторически. Дело, разумеется, не в каком-нибудь просчете А. М. Астаховой, а в том, что это выполнимо только при условии изучения многих жанров и специфики их взаимоотношений в различных районах.

Чрезвычайно полезны были бы работы по изучению отдельных исторических периодов развития фольклора как Русского Севера в целом, так

⁷ См., например, В. Я. Пропп, *Русский героический эпос*, Л., 1955; В. Г. Базанов, *Карелия в русской литературе и фольклористике XIX в.*, Петрозаводск, 1955.

⁸ В. Я. Пропп, *Указ. раб.*, стр. 20.

и отдельных его областей. Однако на этом пути прежде всего возникнет проблема периодизации, до сих пор еще не нашедшая правильного решения. Значительный интерес в этом отношении представляют статьи М. О. Скрипиля, А. Н. Лозановой и А. Д. Сойманова, посвященные этому вопросу и сравнительно недавно опубликованные в 1-м выпуске подготовленного Институтом русской литературы АН СССР сборника «Русский фольклор»⁹. Авторы этих статей участвовали в трехтомнике, в котором была принята периодизация, имеющая хождение в работах историков. В статьях, опубликованных в сборнике «Русский фольклор», предлагается несколько иная периодизация. Если в трехтомнике в ее основу была положена история государства, то в названных статьях сборника «Русский фольклор» — история народности и нации.

Нет сомнения, что такая периодизация более совершенна, так как история народности и нации — процесс значительно более сложный и многосторонний, охватывающий, кстати говоря, и историю государства. Однако, на наш взгляд, это — только некоторое улучшение. Мы убеждены в том, что периодизация истории народного поэтического творчества должна исходить прежде всего (а не дополнительно) из самого народно-поэтического материала. Любой другой принцип (положены ли в основу те или другие моменты экономической или политической истории) неверен по существу.

Фольклор — один из видов идеологии, и он, как всякая идеология, не просто пассивно отражает уже происшедшее или происходящее, но и способствует вызреванию идей, которые движут людьми. Он и сам является одной из реальных форм существования этих идей. Так, известно, что социалистическая идеология и метод социалистического реализма в литературе и народном творчестве (революционные песни) возникли до 1917 г. и тем более до окончательного сложения социалистического общества в нашей стране. Идея единства Руси получила свое художественное воплощение в народно-поэтическом творчестве и в древнерусской литературе задолго до образования единого русского государства и русской нации. С другой стороны, результаты политических и экономических преобразований далеко не всегда сразу же сказываются в области художественного творчества. Так, результаты реформ конца XVII — начала XVIII в. отчетливо выявляются в области литературы лишь с конца 1730-х — начала 1740-х годов. Реформы 1860-х годов предопределили важные изменения в области народной поэзии, но изменения эти стали играть определяющую роль лишь значительно позже.

Поэтому следовало бы обсудить вопрос о членении историко-фольклорного (как, впрочем, и историко-литературного) процесса в зависимости не от развития способа производства материальных благ, образования государства, народности, нации и т. п., а от их отражения (или выражения) в художественном творчестве народных масс. Это, разумеется, вовсе не означает отрицания роли «способа производства материальных благ», — по словам Ф. Энгельса, он только в конечном счете определяет развитие исторического процесса¹⁰.

Не оставляют чувства удовлетворения и некоторые другие положения названных статей сборника «Русский фольклор». Неясно, почему в трехтомнике начало разложения феодально-крепостнического строя относится к середине XVIII в., а теперь предлагается относить его к началу этого века? Почему считается возможным возврат к «календарному» членению процесса (XVII в., XVIII в.), традиционному при чтении вузовских курсов истории литературы, но до сих пор еще никем серьезно не обоснованному?

Специфика намеченных периодов далеко не всегда определяется доста-

⁹ Академия наук СССР, Ин-т русской литературы. «Русский фольклор. Материалы и исследования», вып. 1, М.—Л., 1956, стр. 22—28, 39—48, 49—62.

¹⁰ Письмо Ф. Энгельса И. Блоху от 21 сентября 1890 г. («К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», Сборник под ред. Михаила Лифшица, М.—Л., 1937, стр. 15).

точно четко. Например, второй период в истории народного поэтического творчества советской эпохи определяется как период «развития передовых традиций классической народной поэзии и возникновения новых художественных произведений, в создании которых ведущая роль принадлежит художественной самодеятельности»¹¹. Примерно то же говорится и о третьем периоде. Здесь, несомненно, сказалась недостаточная изученность многих важных вопросов истории фольклора, характерная для современного состояния фольклористики.

В свете этого полезно было бы, исходя из сравнительно легко обозримого материала Русского Севера и его отдельных областей, внимательно проследить, каковы в действительности этапы развития севернорусского историко-фольклорного процесса. При этом представляется особенно важным изучение фольклора поздних слоев — периода капитализма и советского. Это важно не только потому, что эти периоды близки к современности или современны нам. Значение таких исследований определяется состоянием наших источников. Известно, что подавляющее большинство записей относится ко второй половине XIX — началу XX в. и к советскому времени. Это не значит, разумеется, что изучение фольклора более ранних периодов невозможно — большинство фольклорных произведений, записанных, например, во второй половине XIX в., возникло значительно раньше, и в них сохраняются идеи и стилистические приемы, связанные с той эпохой, в которой они возникли. Однако, изучая фольклор более ранних периодов, мы неизбежно встаем на путь реконструкции, решаем уравнение со многими неизвестными, не имея возможности проверить свое решение. Опираясь текстами, записанными в XIX в., и мысленно относя их возникновение то к XI, то XIV, то к XVI вв., мы иной раз очень плохо представляем себе, что же в них есть от XIX в. Между тем, изучая народное творчество поздних слоев — периода капитализма и советского времени, мы имеем возможность сделать наши исследования значительно более позитивными, правильнее подготовиться к изучению более ранних слоев. Тут в нашем распоряжении множество текстов (впрочем, обычно тоже меньше, чем хотелось бы!), реальных наблюдений над процессом творчества и исполнения, много работ историков и этнографов о крестьянстве и рабочем классе этого времени; значительно легче представить себе социальные условия, быт, политические движения, общественное сознание, психологию той среды, в которой творился и бытовал изучаемый нами фольклор. И здесь опять исследователи так называемого «местного» фольклора могли бы принести огромную пользу, вводя в научный оборот материалы по истории, этнографии, быту, экономике, краеведению отдельных областей и районов, ставя их в связь с местным фольклорным репертуаром, его движением, развитием, спецификой и т. д. Трехтомник Института русской литературы ясно показал, как трудно добраться до реальных фактов истории многомиллионного русского крестьянства, занимаясь лишь общерусскими проблемами. Вот здесь-то и могли бы помочь местные работники, которым легче использовать столь часто забываемую нами краевую печать, краевые архивы, дополняя их собственным экспедиционным материалом, знанием своего края.

Разумеется, при этом возникает немало трудностей. Отдельные жанры оказываются мало податливыми для конкретного исторического изучения. Может возникнуть даже и такой вопрос: возможно ли вообще удовлетворительное историческое изучение отдельного изолированного жанра, например такого стойкого по своему сюжету, как былина, давно уже воспринимаемая исполнителями как рассказ, действие которого отнесено в далекое прошлое, или такого стойкого по своим поэтическим приемам, как лирическая песня?

Совершенно очевидно, что различные жанры по-разному отражают

¹¹ «Русский фольклор», вып. 1, стр. 59.

историческую действительность и ее развитие (кстати, это тоже один из запущенных у нас важных теоретических вопросов). Неверно было бы исходить из предположения, что изменения в общественном сознании должны непосредственно вызывать соответствующие изменения в текстах различных народно-поэтических произведений. Изменения исторической действительности не просто и не механически фиксируются в народном творчестве, они отражаются в нем подчас очень сложно и опосредствованно. Они вызывают к жизни новые жанры и новые произведения, меняют структуру репертуара, подчас выдвигая на первый план жанры, имевшие в предыдущий период второстепенное значение. Под влиянием изменений в общественном сознании меняется и восприятие унаследованных идей, сюжетов, мотивов, причем это изменение восприятия эстетических ценностей, доставшихся от предыдущих эпох, может вызвать, а может и не вызвать изменения в тексте самого унаследованного произведения. Последнее зависит от природы жанра, от его исторической судьбы, от того, какое место он занимает в структуре репертуара того или иного периода. Так, сказки подвержены большему изменению, чем былины; лирические песни меньшим, чем импровизационные причитания, и т. д. Текст былины мог претерпеть сравнительно небольшие изменения, а мог и остаться принципиально неизменным на протяжении XVII—XVIII—XIX вв.; в то же время, несомненно, изменялось его восприятие исполнителями и слушателями, т. е. подвергался изменениям такой элемент, который мало или совсем не фиксировался собирателями.

В XIX в., по-видимому, не возникало новых сюжетов былин, а может быть, и волшебных сказок, которые получили бы значительное распространение. Былины воспринимались как наследие прошлого. Однако они продолжали исполняться, очевидно, не просто по инерции. Это значит, что в них содержались идеи, которые продолжали оставаться близкими народу, что былины и сказки со всеми их идеями, образами, эстетическими качествами продолжали быть какой-то составной частью мировоззрения крестьянина второй половины XIX в. Поэтому было бы неправильно, изучая народное творчество и народное мировоззрение этого времени, скинуть былины со счетов на том основании, что они возникли раньше. С другой стороны, как уже говорилось, действительность второй половины XIX в. не получала непосредственного отражения в текстах былин. Следовательно, крайне затруднительно изолированное и, вместе с тем, прямое соотнесение былин с исторической действительностью и общественным сознанием крестьянства XIX в. Может оказаться, что результаты такого соотнесения будут очень невелики — они помогут установить лишь некоторые изменения в лексике, иногда изменения в составе или композиции былинных эпизодов, т. е. может оказаться, что глубоких изменений в идейном содержании и соответственно в сюжете и трактовке основных образов не выявится. Вопрос усложняется еще тем, что скудость записей былин до XIX в. не позволяет точно установить, какие изменения в былинных текстах следует связывать именно со второй половиной этого века. Кроме того, в различных местных «школах» исполнителей былин темпы изменения были различными, исполнители в различной мере обладали и художественным талантом, и склонностью к вмешательству в текст. В один год и в соседних селах могли быть записаны разновременные тексты, поэтому простая датировка записей и расположение вариантов в порядке записи могут дать очень мало или дадут сомнительные результаты. Так же в значительной мере обстоит дело и в других жанрах. В одном селе в один день могут быть записаны два текста сказки, один из которых передавался без особенных изменений двумя-тремя поколениями сказителей, т. е. дошел от XVIII в., а другой — продолжал перерабатываться непрерывно вплоть до момента записи. Однако и тот, и другой исполнялся, — значит, оба они соответствовали мировоззрению и художественному вкусу исполнителя.

Следовательно, отдельные жанры, особенно наименее подвижные, должны изучаться не изолированно, а на фоне общих процессов, происходящих в данный период, в свете важнейших проблем, волновавших общественное сознание народа в ту пору. Этот вопрос снова возвращает нас к тому же выводу — нужно углубленно и конкретно изучать жизнь, быт, мировоззрение народа во всех проявлениях (обязательно включая и народное изобразительное искусство, и народную музыку) и от них идти к нашему материалу — поэтическому творчеству. Следовательно, надо, не теряя перспективы общих задач, углубиться в конкретный местный материал.

Хотелось бы выделить еще один период, очень существенный в истории Русского Севера, так называемый «новгородский период». Здесь наша терминология несколько условна, но и без особенных пояснений ясно, что имеется в виду. Чрезвычайно важно было бы изучить вопрос о роли «новгородских» традиций в последующем развитии фольклора Русского Севера, и не только потому, что культура древнего Новгорода — одно из ярчайших явлений нашей истории, но и потому, что с древним Новгородом связана история колонизации севернорусских областей, потому, что новгородские традиции — это нечто, легшее в основу исторического своеобразия Русского Севера.

Наконец, проблема углубления и конкретизации общей картины истории русского фольклора не снимается, а, наоборот, снова со всей силой выдвигает задачу изучения истории отдельных сюжетов и, когда это оказывается возможным, изучения специфического развития отдельных сюжетов в севернорусском фольклоре. Продолжает оставаться актуальной и задача изучения жизни и творчества крупнейших исполнителей как наиболее ярких выразителей идеологии и эстетики народных масс определенного периода.

Творчество отдельных крупных сказителей изучается давно. Но дореволюционная фольклористика не смогла подняться выше примитивных биографических наблюдений, подменявших изучение мировоззрения сказителей учетом случайных и внешних изменений текста, сюжета или композиции того или иного произведения. В дальнейшем, уже в советское время, изучение творчества отдельных сказителей стало мыслиться как изучение индивидуального стиля (или, точнее, манеры сказывания) того или иного сказителя. Однако дальше самого общего деления сказителей на «эпиков», «балагуров», «склонных к психологизации» или «увлекающихся развитием сюжетной интриги» эти исследования не пошли. Внеисторичность подобного рода классификаций теперь ясна.

Вполне естественно сложилась некоторая отрицательная реакция — появились утверждения, что изучение творчества отдельных сказителей якобы ведет к отрицанию коллективной природы фольклора. Здесь опять, на мой взгляд, произошло смешение объекта и метода изучения. Неудовлетворенность методом приводит к отрицанию важности объекта изучения. Однако сама практика исследования отвергает подобный ход мысли. В последние годы было предпринято несколько попыток изучения творчества отдельных мастеров (Кривополеновой, Голубковой, Федосовой, Новопольцева, Калина). На мой взгляд, эти попытки показывают, что такое изучение вполне возможно и без абстрактно-психологического уклона, и без отрыва певца от народного творчества и его закономерностей в целом от той почвы, которая создала певца или сказочника, а, наоборот, дает возможность выяснить конкретные факты реальной истории фольклора.

Задача изучения творчества отдельных сказителей в конечном счете заключается в том, чтобы уловить то новое, что они вносят в общую сокровищницу русского народного творчества, причем это новое должно быть раскрыто как выражение идеологии и эстетики всего русского крестьянства (или конкретной его группы, слоя) в определенную эпоху. Вместе с тем,

мировоззрение исполнителя или сказителя-творца выражается не только в этом новом, внесенном именно этим исполнителем. Оно выражается всей системой идей, сюжетов, поэтических образов и поэтических приемов, старых и новых, традиционных и созданных исполнителем. Поэтому неправильно было бы изучать мировоззрение того или иного мастера народного творчества, отмечая все воспринятое по традиции и выделяя то, что создано впервые. При этом, разумеется, надо учитывать, что и мировоззрение (а вслед за этим художественные вкусы, система образов и приемов и т. д.) любого представителя любой социальной группы в любую эпоху не возникает совершенно заново, а представляет собой сложное сочетание традиционного, унаследованного, и возникшего вновь.

Изучение творчества крупнейших мастеров — одна из важных областей, условно говоря, «местных» исследований, в процессе углубления которых неизбежно должны быть привлечены архивы, местная печать, воспоминания земляков исполнителя и т. д.

И, наконец, есть еще одна проблема, очень важная для дальнейшего развития изучения севернорусского фольклора. Я имею в виду проблему взаимосвязи и взаимовлияния севернорусского фольклора и фольклора соседних, главным образом финно-угорских, народностей. Как известно, уже в самую раннюю пору русской истории восточнославянские племена постоянно соприкасались с финно-угорскими племенами — сумью, емью, весью, чудью, мерей, корелой, лопью и т. д., позже — с финно-угорскими народностями: финнами, карелами, вепсами, коми, удмуртами, мордвой. Следовательно, этот исторический контакт длился по крайней мере полторы тысячи лет, причем значительную часть этого времени русские не враждовали с большинством из этих племен, а жили с ними в одном государстве, роднились, осваивали одну территорию современных северных областей Советского Союза. Совершенно естественно, что за этот срок многое произошло и в истории взаимного влияния и воздействия фольклора финно-угров и восточных славян. Общность исторической судьбы была почвой и для возникновения общих идей, сходных жанров, сюжетов, образов, и для взаимного обмена культурными ценностями. При этом очень важно подчеркнуть двусторонность этого процесса — в противовес шовинистической теории, согласно которой возможен якобы только один вариант: от более культурного народа к менее культурному. В этой теории все грубо и тенденциозно. Во-первых, уровень развития поэзии вовсе не находится в прямой зависимости от уровня развития производительных сил. Во-вторых, если, например, в определенные исторические периоды общий уровень развития русской культуры был выше, чем отдельных финно-угорских народов, то это вовсе не значит, что уровень развития культуры всех групп русского крестьянства, в том числе и тех, которые соприкасались с какой-то финно-угорской народностью, был тоже всегда выше. Так, изучение русского и карельского крестьянства Карелии показывает, что они были примерно на одном уровне (ведь и русские крестьяне были лишены возможности приобщения к достижениям «книжной» культуры, например русской литературы XIX в.). Кроме того, процесс ассимиляции некоторых финно-угорских групп русским населением явно приводил к усвоению русскими финно-угорского фольклорного материала. Одним словом, и здесь требуется вполне конкретное историческое изучение. Только оно, а не применение готовых решений, может привести к действительно научным результатам.

Хочется подчеркнуть, что эта проблема, важная в целом, важна и с точки зрения изучения русского фольклора. Так, изучение бытования бесспорно русских сюжетов, например сюжетов русских былин, в карельской среде и у других финно-угорских народов (коми, мордвы и др.) явно поможет восстановить некоторые утраченные звенья истории русской былинны.

Характерно, что А. Н. Нечаев — издатель сказок М. М. Коргуева — не смог прокомментировать ряд сказок, записанных от этого известного ска-

зочника. Нельзя не вспомнить о том, что мать Коргуева была карелкой и он сам понимал по-карельски, что рядом с Керетью, откуда он был родом, на побережье Белого моря расположено карельское рыбацье село Соностров и тони керечан соседствуют с тонями соностровцев. Возникает вопрос — не карельские ли это сказки?

Еще один пример. Недавно мне довелось изучать русскую былинку и русское предание о Рахте (или Рахкое) из Рагнозера, и я пришел к выводу, что русские предания о Рахкое представляли собой переработанное карельское родовое предание, усвоенное русскими в процессе ассимиляции карело-вепсских групп в Прионежье. Совершенно очевидно, что чем чаще мы будем заглядывать в глубь реальных фактов истории фольклора, тем чаще мы будем наталкиваться на подобные явления.

Важным достижением советской фольклористики последних лет было значительное расширение исследования взаимосвязи литературы и фольклора, роли фольклора в развитии культуры и искусства. Опубликованы работы, касающиеся роли севернорусского фольклора в творчестве Некрасова, Горького, Пришвина и некоторых других писателей. Интересно в этом свете переиздание сборника А. Васнецова — брата известного живописца, осуществленное А. Дьяконовым¹². Следует отметить работы Т. Бесединой и др. Однако все это только начало. Мы еще не собрали многих фактов, касающихся влияния севернорусского фольклора на русскую литературу, музыку, живопись. В связи с этим определяется и второй круг задач в исследовании фольклора Русского Севера — изучение его роли в истории русской и советской культуры, с одной стороны, и в развитии местного литературного и художественного движения — с другой. Очень интересно и важно было бы, наряду с другими вопросами, показать, какую роль сыграли народно-поэтические традиции в развитии характернейшего явления нашего времени — чрезвычайно выросшего областного литературного движения. В этом свете следовало бы подвергнуть изучению творчество таких писателей, как Писахов, Линевский, Коничев, многих местных поэтов и т. д.

Коснусь еще одного чрезвычайно важного вопроса. В результате отмеченных выше ошибок в последние годы в ряде областей и республик наблюдается резкий спад собирания, изучения и издания фольклора, особенно советского. Так, если в предвоенные и первые послевоенные годы Государственное издательство Карельской АССР издало несколько десятков книг по фольклору, многие из которых получили признание, то в последующем эта хорошая традиция была утрачена; некоторое время книги по народной поэзии совершенно не издавались, за последние три-четыре года подобные издания насчитываются единицами. Примерно так же обстоит дело и в других республиках и областях; в одних — немного лучше, в других — немного хуже. Такое положение — следствие того нигилизма в отношении народного творчества, который наблюдался в последние годы.

Как известно, не так давно состоялась широкая дискуссия по вопросам изучения советского фольклора. Эта дискуссия, несомненно, принесла значительную пользу. Теперь уже невозможно повторение многих ошибок, которые были характерны для советской фольклористики 1930-х и 1940-х годов. Не следует сейчас возвращаться к этой дискуссии — она и без того чрезмерно затянулась. Однако хотелось бы напомнить, что она показала, каким малым числом научно проверенных фактов мы располагаем, насколько необходимо серьезное изучение отдельных процессов, жанров, текстов. Фольклорные явления должны изучаться не в отрыве от других форм социалистической художественной культуры — книги, периодической печати, театра, кино, различных видов художественной самодеятельности и т. д., а в теснейшей связи с ними — так, как это есть в действительности.

¹² А. Васнецов, Песни Северо-Восточной России, записанные в Вятской губернии в 1863—1894 гг., изд. 2-е, Киров, 1949.

Совершенно не изучена, например, интереснейшая творческая деятельность народных хоров, развернувшаяся в последние годы.

Боязнь повторения прежних ошибок привела к значительному ослаблению работы по собиранию и изучению современного народного поэтического творчества. Но отказываться от исследования современных процессов по меньшей мере странно. Необходимо восстановить систематическое собирание фольклорных материалов и изучение отдельных проблем фольклористики на новой основе. В связи с этим встают следующие задачи: а) налаживание систематических наблюдений за фольклорным репертуаром, которые должны производиться с полным сознанием того, что многие ошибки возникали из-за потери чувства реальных пропорций, из-за систематического выхватывания отдельных фактов и приписывания им не того значения, которое они имеют в действительности; б) изучение истории отдельных произведений, сюжетов, тематических циклов; в) изучение поэтической культуры отдельных населенных пунктов, районов и т. д.; г) углубленное изучение коллективных форм современного народного творчества совместно с домами народного творчества и их методистами.

Советский фольклор (т. е. произведения, созданные после революции) должен изучаться как органическая часть более широкого явления — фольклора советской эпохи во всей сложности переплетения традиционного и нового и на фоне всего многообразия форм современной литературной самодеятельности народа.

С этим кругом вопросов теснейшим образом связаны проблемы собирательской работы. В этой области царит не меньший разнобой, чем в области изучения фольклора. Это приводит к тому, что подчас производятся несравнимые, случайные записи, т. е. повторяется то, что делалось в XIX в. и что вызывает столь многие затруднения и разочарования при изучении истории русского фольклора. Простят ли нам последующие поколения фольклористов, если после нас останутся разбросанные, случайные и разнохарактерные материалы? Необходимо обсудить вопрос о создании какого-то центра, который разработал бы единую методику собирания, намечал задачи, планомерно распределял маршруты, подобно тому, как это делают археологи. Это позволило бы преодолеть и одну из основных болезней современного собирательства — тенденцию к погоне за текстами в ущерб углубленному изучению современных процессов.

Фольклористы Карельского филиала АН СССР, стремясь преодолеть этот недостаток, пытались создать примерную программу, которая должна была направить внимание на записи сведений о той среде, где бытует фольклор, и сведений о том, как он бытует, каков репертуар населенного пункта, каков круг чтения и других художественных впечатлений носителей фольклора и их слушателей. По этой программе запись текстов рекомендуется сопровождать не только сбором общих сведений по истории и современной жизни того или иного села, но и установлением степени распространенности отдельных текстов, специфики отношения к ним разных социальных, профессиональных и возрастных групп и т. д. Материалы прошедших лет, собиравшиеся по аналогичным программам в Карелии и вне ее, часто были суховатыми; некоторый уклон к статистике мешал подчас почувствовать людей и события, стоящие за цифрами. Поэтому в программу 1957 г. было введено требование сбора сведений о наиболее активных носителях фольклора различных жанров. Не менее важно второе требование программы — изучение национального своеобразия социалистической культуры карельского народа и форм его проявления в фольклорной традиции. И, наконец, третий вопрос — изучение роли постоянных трудовых коллективов (звена, бригады, артели, команды рыбацкого судна и т. д.) в развитии народного поэтического искусства, взаимоотношений производственного быта и традиционных и новых форм поэтического творчества.

К сожалению, пока нельзя похвастать тем, что работа по этой програм-

ме хорошо организована. Не все участники экспедиций правильно и творчески ею пользуются, некоторые стараются вообще ее не придерживать-ся, так как кажется проще и легче собирать то, что попадет под руку, без определенной системы и порядка.

В свете выдвигаемой проблемы русско-финно-угорских связей надо было бы подумать об организации смешанных двуязычных русско-ка-рельских, коми-русских и других такого же рода экспедиций.

Наконец, важно было бы обсудить и еще один вопрос. Необходимо привести в порядок и известность местные фольклорные архивы, обеспе-чить подготовку их научных описаний. Пора поставить вопрос о состав-лении краевых фольклористических библиографий (типа «Фольклор Ура-ла» М. Китайника, «Фольклор Саратовской области» Т. М. Акимовой, «Фольклор Карелии» Н. Виноградова и недавно опубликованной библио-графии А. Беловановой и В. Кийранен.

Хорошо известно, что фольклористическая библиография крайне за-пущена. В последние годы радует появление отдельных библиографиче-ских работ М. Я. Мельц — единственного пока у нас серьезного специали-ста в этой области. Совершенно ясно, однако, что один человек не выпол-нит всего необходимого. В этом отношении большую помощь оказали бы краевые библиографии и библиографические обзоры. Они помогли бы при-вести в движение все более ускользающие из поля зрения фольклористики краевые материалы. Надо подумать и о путях и способах систематической взаимной информации о собирательской и исследовательской деятель-ности фольклористов. Нельзя сказать, чтобы сейчас для этого не было условий, если иметь в виду журналы «Советская этнография», «Вопросы литературы», «Русская литература», неперіодические сборники Института русской литературы АН СССР, «Русский фольклор», украинский жур-нал «Народна творчість та етнографія», областные литературно-художественные журналы и альманахи и т. д.

Итак, проблем, насущных и актуальных, много. Работники научных учреждений и вузов, краеведческих музеев, домов народного творчества и творческих союзов должны объединить и согласовать свои усилия, со-средоточиться на разработке важнейших теоретических и практических вопросов.